

Размышленія у врат Новаго Града

Историки и соціологи нерѣдко попадают в положеніе мольеровских докторов, предпочитающих, чтобы больной помер по правилам науки, нежели выздоровѣл вопреки им; либо художника из сказки, изваявшаго статую, превращающуюся в живую женщину. Они создают рабочія гипотезы, вычерчивают схемы историческаго развитія, подводят разрозненные, выхваченные из гуши жизни, факты под категоріи «стадій», «періодов» — и вот: схемы наполняются кровью и обрастают плотью, стадіи выстраиваются в ряды, такіе стройные, что нельзя удержаться от соблазна приписать всю эту красоту и гармонию дѣйствию каких-то законов; далѣе — раз уж произнесено слово закон, — оно дѣйствует магически: законы начинают требовать, чтобы с ними и обращались, как с таковыми, чтобы их читли и не смѣли их нарушать. Да и как бы дерзнул на это историк? Вѣдь, он не издает исторических законов; он их только констатирует. Поразительна при этом безпрекословная законопослушность историков, иногда заходящая так далеко, что перед любым «временным правилом» историк готов склониться, как перед законом. Вот примѣръ: в своей статьѣ о пятилѣтнем планѣ («Новый Град», № 5), П. Н. Савицкій устанавливает ритмику хозяйственнаго развитія Россіи за годы 1893-1926. Оказывается, что за это время было два періода подъема, каждый в 7 лѣтъ, и два — депрессіи, — каждый в 10 лѣтъ. «Закон» развитія Россіи готов. Что первая «десятилѣтка» прилась на время русско-японской войны и первой революціи, а вторая — второй революціи и гражданской войны, и, наконец, вторая «семилѣтка» — на время міровой войны и вызванной ею интенсификаціи тяжелой промышленности (ср. замѣчанія С. I. Гессена на статью П. Н. Савицкаго там же), — а войны и революціи не бывают же непременно каждая 7 или 10 лѣтъ, — это автора не смущает: закон ритмики установлен из наблюденій над оборотом, количеством пущенных на рынок

продуктов и т. п., при намеренном игнорировании «посторонних» экономикъ явлений: войны и революціи — вѣдь, это всего лишь элифеномены, показатели, а не факторы.

Приведу еще один примѣръ, вычитанный мною из того же номера «Новаго Града»: это мнѣніе Г. П. Федотова, цитируемое И. И. Бунаковым в статьѣ «Хозяйственный строй будущей Россіи», — что плановое хозяйство в этой будущей Россіи невозможно, потому что Россія еще не прошла до конца капиталистической стадіи. Мнѣ кажется, что вполне прав И. И. Бунаков, видящій в этом умозаключеніи Г. П. Федотова гипостазированіе историческихъ понятій. Непонятно, почему это непременно надо изжить до конца одну «стадію», чтобы перейти к другой, — если только не усвоить себѣ той точки зрѣнія, что народы и государства то же самое, что и единичные организмы: нельзя насаждать плановое хозяйство в странѣ, еще не переболѣвшей тѣм, что зовется Hochkapitalismus, как нельзя, скажем, кормить сырымъ мясомъ собаку, еще не переболѣвшую чумой. Таково то, быть может, и неосознанное, а-ргю-гі, что лежит за разсужденіями с «стадіяхъ» историческаго процесса и основываемыми на изученіи этихъ стадій прогнозами и программами.

Все это — предисловіе к тому, что хочется высказать по поводу главной темы «Новаго Града», того вопроса, вокруг котораго ведутся сейчасъ споры в самомъ «Новомъ Градѣ» и около него, споры, основанные нерѣдко на недоразумѣніи, нежеланіи понять чужую мысль, подчасъ и боязни понять, — о «достиженіяхъ» Совѣтской Россіи и о послѣдствіяхъ этихъ «достиженій». И вот мнѣ думается, что, несмотря на то, что формально прав И. И. Бунаков в своихъ возраженіяхъ Г. П. Федотову, по существу — поскольку дѣло идетъ о предвидѣніи будущаго, прав не он, а его антагонистъ. И. И. Бунаковъ разсуждаетъ, казалось бы, вполне здраво: цивилизованный міръ идетъ — это не подлежитъ сомнѣнію — к плановому хозяйству; недопустимо, чтобы этотъ процессъ не захватилъ Россіи, когда в ней возстановится правопорядокъ, чтобы не была использована тамъ вся арматура для этого хозяйства, которая останется в наслѣдство отъ нынѣшняго порядка; будущее правительство будетъ вынуждено идти по пути регулировки хозяйственной жизни, ибо иначе какъ сможетъ

Россия занять подобающее ей место в ряду других народов? Наконец, кто даст денег России без гарантии, что эти деньги будут употреблены целесообразно и планомерно, а не растрачены? А денег, разумеется, понадобится очень много. Вѣрит И. И. Бунаков и в то, что в России найдется немало людей, приученных опытом, пусть и уродливым, к ведению такого планового хозяйства. Все это вѣрно, но только все же: вывод из всѣх этих соображений вытекает с необходимостью при одном допущении, одном *а-ргю-м-е-н-т-е*: революционная власть, революционный уклад будут ликвидированы, — и сразу же наступит полное отрезвление, радикальное исцѣление общественной души, общая готовность приступить к возстановлению государства при помощи самых лучших способов, самоновѣйших средств и по самому рациональному плану.

И. И. Бунаковым все принято в расчет — кромѣ одного, первостепенной важности условия, условия настолько непремѣннаго, постояннаго, неустранимаго, что его можно, пожалуй, возвести на степень историческаго закона. Общество не есть организм, не есть *«individuum»*, саморазвивающаяся, имманентному закону развитія подчиненная величина; у него нѣтъ никакой собственной ритмики развитія — и нѣтъ ея у его отдѣльных сфер, каковы хозяйство, вѣра, язык, литература и т. д., и т. д. Всѣ законы, которым якобы безусловно подчиняется жизнь этих сфер, — не болѣе как формулы, приблизительно выражающія каждую соответствующую кривую развитія, на самом дѣлѣ обусловленную взаимозависимостью всѣх этих кривых. Но общество состоит из людей, и его жизнь не что иное, как жизнь этих людей. Человѣческая же природа неизмѣнна. Люди могут по разному глядѣть на мѣръ и на себя, по разному думать, вѣрить, разнаго желать. Но всегда и повсюду их жизнь подчиняется закону своей собственной ритмики, ритмики «подъемов» и «депрессій». Революціи сопровождаются такими подъемами, вызывают их в обществѣ, — или сами ими вызываются: обѣ русскія революціи были в значительной степени обусловлены накопившимся в военное время нервным подъемом масс, почувствовавших свою силу, подъемом, получившим, послѣ демобилизаціи, новое направление; проявленіем инерціи, застаившей эти массы, отброшенные от фронта, кинутыя на тыл.

Тогда легко было подsunуть массам новые стимулы к активности, осмыслить их потребность в дѣятельности новыми мотивами, переключить еще не израсходованную энергию. Невѣрно представление, будто послѣдняя революція была результатом депрессии, усталости от войны: главная масса демобилизованных с оружіем в руках состояла из едва только мобилизованных и получивших оружіе, не имѣвших ничего против того, чтобы подраться — лишь бы не с нѣмецким страшилищем. Революція и есть такой психическій «людьем». Но никакой подъем не может длиться безконечно. Он может искусственно поддерживаться, пока революція не избыта, пока люди подчиняются особаго рода автоматизму революціоннаго уклада с тѣми его особенностями, которыя, являясь по существу отрицаніем всего того, что связывается в нашем сознаниі с понятіем «быта» — нормальное рабочее время, обезпеченность кровом и пищею, устойчивость существованія, — сами слагаются в особый быт, сносный в силу привычки, но в котором свѣжій человек мог бы в нѣсколько дней; этот «подъем», искусственно поддерживаемый разными революціонными наркотиками (митинги, собранія «ячеек» и т. п.) сам является составной частью революціоннаго быта. В концѣ концов, какой-нибудь случайный толчек, возникновеніе какого-нибудь центра новой кристаллизациі сил может привести к крушенію революціонной власти. Тогда революціонный подъем, держащійся революціонным бытом и сам этот быт поддерживающій, сразу идет на убыль, смѣняется «депрессіей». В этом — главная черта послѣреволюціонных реакцій, — в усталости от революціонных оказательств, от революціоннаго «строительства», от сперва, может быть, и искренняго, а затѣм наиграннаго революціоннаго энтузіазма; в нежеланіи чего-то добиваться, куда-то и к чему-то стремиться, за что бы то ни было бороться. На этом основывается прочность послѣреволюціонных режимов, режимов передышки, санаторнаго леченія. Послѣреволюціонная «реакція» это вовсе не непременно торжество «темных сил», не возврат ко всему тому, с отрицанія чего революція началась; это по своему существу реакція «обывательщины» против «гражданственности» и государственности; это, если угодно, новый бунт, природу котораго удивительно мѣтко выразил I. В. Гес-

сен (в своем письмѣ в редакцію «Новаго Града»), сравнившій его с бунтом Подколесина против Кочкарева.

Я не знаю, насколько приемлемо утверждение Ф. Степуна («Новый Град», № 5) о «той творческой страстности, с которой русскій народ впрягся в коммунистическое дѣло». Вѣрнѣе, я убѣжден, что эта формула никуда не годится. Вѣдь, если дѣйствительно русскій народ — а не отдѣльные лица, не ничтожная часть его — впрягся в коммунистическое дѣло, да еще с «творческой страстностью», то почему же он не завел коммунистическаго строя? Кто ему помѣшал? Или что? «Закон стадій развитія»? Или то, что вообще коммунизм неосуществимая вещь, ибо он «противен человѣческой природѣ», как думают иные? Но я сомнѣваюсь, чтобы так думал и Ф. Степун. Я знаю только одно: если революціонный режим в Россіи рухнет, это будет означать, что никакой «творческой страстности» у русскаго народа болѣе нѣтъ.

Повторяю, исход всякой революціи это торжество индивидуальнаго начала над началом коллективности, — причем слово «индивидуальное начало» я употребляю в упрощенном, приниженном смыслѣ. Просто — это торжество тѣх настроеній, когда everypoman-у хочется, чтобы его оставили в покоѣ, никуда не звали, не тащили, и никакой новой общественной нагрузки на него не наваливали. А эмигрантская élite как раз это ему готовит.

С русской эмиграціей происходит, таким образом, нѣчто аналогичное тому, что было с французской. Это грубое обобщеніе, будто французскіе эмигранты «ничего не забыли и ничему не научились». И в той эмиграціи была своя élite, которая научилась, глядя на революціонный опыт со стороны, не неся сама никакой революціонной нагрузки, очень многому, пришла к мыслям, которыми мы и по сей день питаемся. Та реставрація, которую проповѣдывал Жозеф де Мэстр — недаром Сен-Симон считал его своим учителем, — развѣ лишь своей символикой была похожа на реставрацію Людовика XVIII и Карла X. Он хотѣл, подобно Н. А. Бердяеву, «новаго средневѣковья», в сущности — углубленія революціи, такого отрицанія ея, которое было бы ея истинным, должным,

идеальным «утверждением». Если бы Жозеф де Мэстр дожил до наших дней, он бы непременно включил в свою программу «плановое хозяйство» и одобрил бы евразийское учение об «идеократии», признав его своим. Но французы болѣе уже ничего не хотѣли «утверждать». Идеология Ж. де Мэстра была использована только тѣми, дѣйствительно «ничего не забывшими и ничему не научившимися» эмигрантами, которым она послужила прикрытiем для их домогательств о возвращенiи им их имѣнiй; а в своей сен-симонистской транскрипции она стала идеологией вовсе не цѣлаго интеллигентскаго «ордена», а небольшой и по началу весьма мало влiятельной секты.

На этом аналогия ~~жончается~~ и начинается расхожденiе в положенiи обѣих эмигрантских élites — французской и русской. Можно предвидѣть, что в будущей Россii судьба так называемых пореволюционннх идеологий окажется много худшей, нежели судьба французских. Французская революция, бывшая, как таковая, как массовое движенiе, проявленiем коллективистическаго начала, по своим цѣлям, своим «достиженiям», была индивидуалистична. Реакция против революци была поэтому реакцией не против революционннх политики, революционннх программы, революционннх достижений, но против революци, как режима, как общественнаго состоянiя, против ея продолженiя, ея «углубленiя», ея тактики, ея методов. *Evénement* — существо, в мышленiи котораго преобладают ассоциация по смежности, почему это мышленiе грубо-символистично. Расхожденiе между революционннм процессом и революционннх «душой», существом революци, было во Франци настолько велико, что реакция против революци, бывшая, как массовое явленiе, реакцией заработавших на революци, а не ушибленных ею, — «*les satisfaits*», — не коснулась ея символики, ея фразеологии. Напротив: она обезпечила, если не успѣх по-революционннх идеологий, то во всяком случаѣ снисходительно-равнодушное отношенiе к ним обывателя. Сен-Симон, Ог. Конт, Фурье, Пьер Леру казались мосье Прюдому «своими людьми», исповѣдниками «великих принципов 89 года», между тѣм как де-Мэстра и де-Бональда, союзников «попов», он ненавидѣл острой ненавистью, — хотя носители пореволюционннх идеологий стояли гораздо ближе к этим послѣд-

ним, нежели к идеологам 89 года, а тѣм болѣе — к мосье Прудому и к флюберовскому мосье Омэ.

Совершенно иначе обстоит дѣло сейчас. Русская революція коллективистична по всему своему существу, и естественно ожидать, это реакція против нея направится на все, что только так или иначе отзывается ею. Обывательскій либерализм и индивидуализм на первое время, послѣ ликвидаціи ея, восторжествует по всей линіи, выражая себя в отвращеніи как от реставраціи так и от сколько-нибудь планомѣрной реституціи. Не в силу дѣйствія несуществующаго закона смѣны стадій общественной эволюціи, а просто в силу психологических законов, управляющих душевной жизнью отдѣльных людей, русское возстановленіе будет происходить анархически, враздробь, ощупью, образуя то, что зовется «періодом первоначальнаго накопленія».

Представители эмигрантской элиты, выразители пореволюціонной общественной мысли надѣются найти отзвук у подрастающих в Россіи поколѣній. Матеріал, которым мы располагаем, слишком отрывочен, случаен, скуден, чтобы на основаніи его можно было бы дѣлать какія-либо прочныя заключенія относительно того, чѣм живут и дышат люди, дѣтство и юность которых протекли в революціонной обстановкѣ. Но насколько можно судить по тому немногому, что нам извѣстно, настроенія нынѣшней русской молодежи скорѣе служат подкрѣпленіем догадок, высказываемых мною. Воспитаніе соціального сознанія и соціального чувства в атмосферѣ взаимнаго подсиживанія и обязательнаго взаимнаго шпионажа, внѣдреніе в сознаніе основоположеній соціального права в атмосферѣ страшнаго безправія, принудительная игра на голодный желудок в соціальное строительство, — каковы могут быть результаты всего этого? Для слабых — духовная гибель. А для сильных, стойких, выносливых? О них мы располагаем замѣчательным человѣческим документом. Это «Хожденіе по вузам» Москвина. В людях, обладающих разумом и волей, эти условія жизни воспитывают, во-первых, готовность стоять за себя, умѣніе позаботиться о себѣ, не растеряться в затруднительном положеніи, привычку полагаться только на самого себя; во-вторых, недовѣріе ко всяким «планам», к коллективным начинаніям, к со-дѣйствію, ко

всему, что предполагает подчинение общественному руководству. И. И. Бунаков считает, что невозможно сейчас возвращаться к Адаму Смиту. А мнѣ думается, что даже не Адам Смит, а Иеремія Бентам должен прійтись как раз по вкусу русскому «новому человѣку», а вмѣстѣ с Бентамом и теоретики формальной, «буржуазной» демократіи, отживающей в Европѣ и в Америкѣ: ибо сейчас для русских людей минимальныя гарантіи личной неприкосновенности и свободы личной инициативы в хозяйствованіи — это самое желанное, жизненно-необходимое: тогда как самыя, казалось бы, полезныя вещи, раз только онѣ хоть чѣм-нибудь напоминают ту единственную форму коллективистическаго строя, какую довелось узнать, окажутся психологически непріемлемыи, уже просто как одиозныя символы.

В таком случаѣ какова будет роль «элиты»? Ей остается на выбор: или взять на себя роль пушкинской дамы, которая «толкует Сея и Бентама», или замкнуться — конечно, не в «орден», который собирался основать И. И. Бунаков и которому он сулит широкія перспективы, — даже не в секту, а в самый обыкновенный интеллигентскій кружок. Она планирует Новый Град, рисующійся ей чѣм-то вродѣ Чикаго или Нью-Йорка, — и скажет спасибо, если ей будет позволено спастись в захолустном скиту. На худой конец — и это ничего. Рано или поздно жизнь проложит к скиту тропинку.

П. Михайлов.